ТИПЫ ЖИТИЙНЫХ ГЕРОЕВ В ТВЕРСКОЙ АГИОГРАФИИ XVI–XVIII ВЕКОВ

Работа представлена кафедрой филологических основ издательского дела и документоведения Тверского государственного университета.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор С. Ю. Николаева

Статья посвящена рассмотрению жанровой природы тверской агиографии XVI—XVIII вв. в аспекте типов житийных героев, а также соотнесенности текста с житийным каноном. Особое внимание уделено рассмотрению тенденций развития тверской агиографии с учетом базовых положений теории литературных формаций и понимания специфики «авторского» самосознания древнерусского книжника.

Ключевые слова: агиография, агиограф, топос, тип житийного героя.

L. Meshcheryakova

TYPES OF HAGIOGRAPHICAL HEROES IN THE TVER HAGIOGRAPHY OF THE 16–18TH CENTURIES

The article considers the genre specificity of the Tver hagiography of the 16-18th centuries in the light of the types of hagiographical heroes, as well as correspondence of the text to the hagiographical canon. Special emphasis is put on consideration of the tendencies of development of the Tver hagiography within the basic points of the theory of literary formations and understanding of the specificity of the "author's" self-consciousness of the ancient Russian writer.

Key words: hagiography, hagiographer, topos, type of hagiographical hero.

Изучение древнерусской литературы – одна из актуальных областей современной филологической науки. Интересы исследователей многообразны. Тверская литература привлекала внимание ученых-медиевистов на протяжении не одного десятилетия. Наиболее разработанным направлением в науке, связанным с изучением тверской агиографии, является источниковедческое, историческое [1, с. 9]. В числе первых работ такого рода следует назвать исследование В. А. Кучкина [2], где на обширном материале дается текстологический анализ памятников, посвященных Михаилу Ярославичу Тверскому. В разные годы в поле зрения исследователей попадают и другие памятники тверской житийной литературы [3].

Наименее исследованной областью в пространстве тверского агиографического текста является область изучения его поэтики (как в историко-литературном ключе (эволюции), так и в аспекте рассмотрения художественных особенностей какого-либо конкретного списка (редакции), наиболее интересного именно с литературной точки зрения). Сказанное выше, пожалуй, не относится к житию Михаила Ярославича Тверского, которое детально рассмотрено в диссертации Е. Л. Конявской, в том числе и в литературоведческом ключе [4]. Е. Л. Конявская изучала и житие архиепископа Арсения Тверского по рукописям, хранящимся в рукописных фондах РГБ, РНБ, БАН, ГИМ и других источниках. Результатом данной работы стала публикация целого ряда статей [5]. Помимо Е. Л. Конявской изучением данного памятника занимались Э. И. Валлич, А. И. Пономарев и Б. М. Клосс.

Интересен опыт тверских исследователей в аспекте изучения корпуса агиографических текстов с литературоведческой точки зрения (работы С. Ю. Николаевой, М. В. Строганова и др.).

Перспектива в изучении тверской житийной литературы состоит в том, чтобы дополнить уже существующий корпус научных текстов именно историко-литературными исследованиями, причем литературоведческий аспект изучения представляется в этом отношении наиболее актуальным. Признавая значимость комплексного подхода в изучении древнерусского текста, мы рассматривали список того или иного жития с целью выявления фактов соответствия канону или отхода от него (при условии обращения к таким важным категориям, как «канон», «топос», «житийный топос» и т. д.). Мы стремились выявить, насколько явления, обнаруженные в житийном тексте на разных уровнях его организации, отражают основные положения теории литературных формаций [6, с. 66-80]. Особое внимание мы уделили построению типологизации героев в тверской агиографии, а также описанию соотношения «авторчитатель» применительно к пространству агиографического текста.

Как показало наше исследование, тверская агиография XVI—XVIII вв. интересна в аспекте представленности в ней различных типов житийного героя: здесь и образ князямученика (Михаил Тверской), и образы пре-

подобных, демонстрирующие диаметрально противоположные пути русского монашества (Нил Столобенский и Ефрем Новоторжский), и образ святителя (Арсений Тверской). Отдельный интерес представляет рассмотрение жития Анны Кашинской.

«Житие свт. Арсения Епископа Тверского» было проанализировано нами именно в литературоведческом аспекте по списку, опубликованному Е. Л. Конявской в монографии «Очерки по истории тверской литературы XIV-XV вв.» (список конца XVI в., хранящийся в РГБ (Собрание В. М. Ундольского № 286)) [5, с. 341–372]. Конкретного имени автора житийного текста исследователи не называют, однако единодушно отмечают, что он «был человеком начитанным и использовал традиционные мотивы, топосы и формулы, которые вошли в арсенал книжника его времени» [5, с. 321]. При рассмотрении специфики данного текста мы пришли к выводам следующего характера.

Житие Арсения Тверского является примером реализации агиографического канона в тверской житийной литературе. Использование указанных Е. Л. Конявской «топосов» свидетельствует о сознательном стремлении агиографа к созданию «идеального» образа святителя. Именно мотив борьбы с «еретическими» идеями является основой в процессе создания текста. Однако задача автора жития заключается и в том, чтобы представить Арсения не только как святителя (т. е. заступника веры, духовного воина истины). Для агиографа важно зримо выразить черты, свойственные «схеме» жития преподобного. В этой связи возникает интересный «портрет» главного героя жития. В житии Арсения мы наблюдаем совмещение в рамках одного житийного текста двух «схем» развития повествования и создания образа - «преподобнической» и «святительской». По замыслу автора житие не содержит подробного описания деятельности святителя Арсения на благо церкви. Наиболее значим для агиографа факт устройства святителем церкви Пресвятой Богородицы и преподобных Антония и Феодосия Печерских и основания Желтикова монастыря. Ориентированность на определенную читательскую аудиторию (в данном случае это монастырская братия) заставляет использовать как можно большее число традиционных топосов с целью создания текста, наиболее «адекватно» отражающего житийный канон на всех уровнях своей организации (сюжет, принципы типизации, смысловая наполненность текста и т. д.). Однако стилистика экспрессивно-эмоционального стиля свидетельствует о многоуровневой структуре текста, отражении в житии иного творческого метода. Вполне справедливо замечание современных медиевистов о том, что авторское самосознание древнерусского книжника как категория является отнюдь не фактом принадлежности к определенной (поздней) эпохе, но составной частью творческого метода художника.

«Житие Ефрема Новоторжского» было рассмотрено нами по двум спискам [7]. Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению относительно атрибуции данного текста. Скорее всего, авторов было несколько. Однако сознание «автора», которое мы можем реконструировать в процессе анализа текста, имеет двоякую природу: с одной стороны, мы можем говорить о явном тяготении к «соборности» в процессе создания образа преподобного Ефрема, а с другой – в нем можно проследить черты «неоднородности» текста (как на уровне стилистики, так и на уровне подхода к созданию образа). По замечанию исследователей, состав жития и чудес в рукописях достаточно стабильный. Он традиционен для всех текстов, посвященных преподобному Ефрему Новоторжскому. Это обстоятельство позволяет нам делать некоторые выводы обобщающего характера на основании лишь двух упомянутых текстов. Во-первых, несмотря на достаточно позднюю датировку текста (XVII в.) мы не наблюдаем характерного для многих жанров стремления к обмирщению. Во-вторых, одним из условий соблюдения традиционности текста (создания образа, с наименьшей степенью искажения отражающего Первообраз) является сознательное и активное стремление «автора» к реализации логически выстроенной схемы канона путем включения в текст традиционных топосов, свойственных житию соответствующего типа. Данный факт можно объяснять не только с точки зрения отсутствия большого количества достоверного материала, но и сознательного «абстрагирования» агиографа в процессе создания образа. В образе преподобного Ефрема Новоторжского отражены черты русского монашества, идеалом которого был преподобный Феодосий Печерский и его последователи [8, с. 33]. Даже в «позднюю» эпоху автор может традиционно ощущать себя частью единого целого («соборно»). Индивидуальный авторский голос, который звучит во вступлении к житию и немногочисленных «авторских отступлениях», призван настроить «читателя» на определенный лад, подтолкнуть его к той или иной идее. Однако он не отвлекает внимания от главного. Отсутствие логически выстроенной структуры повествования является свидетельством того, что у текста нет единого автора, а находящийся в распоряжении агиографа материал далеко не исчерпывающий.

В «Житии Нила Столобенского» мы находим иной тип, иной «идеал» русского монашества — путь отшельничества, уединение в пустыне.

В качестве материала для исследования нами был выбран список XVIII в., происходящий из Ниловой пустыни и представляющий собой монастырскую редакцию «Жития» [9]. Согласно В. З. Исакову, автором этой редакции предположительно является настоятель Ниловой пустыни Нектарий Теляшин. Детальный анализ указанного житийного текста позволил нам сделать следующие выводы: даже «поздние» по времени своего создания житийные тексты (XVIII в.) дают нам примеры сохранения «канона» в структуре жития. Своеобразными точками фиксации канона служат житийные топосы, благодаря которым агиограф, словно по «прорези», организует текст на всех уровнях (от сюжетного до смыслового). На характер текста оказывают влияние не только общие тенденции в литературе, но и характер мировоззрения «автора» и «адресата». Именно «адресат» является той точкой отсчета, ориентируясь на которую агиограф и создает в конечном итоге текст. Авторский идеал — отшельнический путь, реализующий традиции, заложенные еще преподобным Антонием Печерским. Указанные обстоятельства позволяют нам предположить, что развитие литературы на всех уровнях ее организации (жанровые ассоциации и отдельные жанры) не имеет четкой линейности. Однако следы эпохи мы можем обнаружить даже в традиционном тексте (тяготение к детализации, переключении внимание читателя к конкретике, бытовой детали, упоминание современных автору реалий и т. д.).

Если говорить о тексте жития Анны Кашинской, то он, пожалуй, является самым неоднородным и непоследовательно отражающим традицию канона. Можно вполне согласиться с предположением о том, что автором житийного текста мог быть священник (по предположению исследователей, это сыновья инока Варлаама – священник Кашинской Успенской церкви Василий и дьячок той же церкви Никифор) [10]. В создании образа благоверной княгини Анны Кашинской автор не придерживается житийного канона в том смысле, что основой, стержнем в создании образа является авторский вымысел. Если в первой части житийного текста доминирующей чертой в создании образа святой являются ее реальные (земные) черты, то во второй части агиограф, формально стремясь к абстрагированию, пытается следовать традиционным топосам (которые, однако, выходят далеко за рамки реализации схемы «женского» типа жития). Наличие пространных диалоговых фрагментов в первой части житийного повествования, созданных в стилистике экспрессивно-эмоционального стиля, сосредотачивает внимание «читателя» не столько на «идеальном» подобии, сколько на конкретных обстоятельствах жизни героев.

Житие Анны Кашинской – пример текста, в котором отражены не просто черты эпохи нового времени, но романные черты.

Особенно интересен в контексте жития Анны Кашинской образ «автора». По нашему мнению, в тексте отражено не соборное сознание эпохи теоцентризма, хотя на фор-

мальном уровне оно и может быть выражено («по силе принесли тебе»), и даже не сознание эпохи христианского антропоцентизма, когда процесс творчества мыслится автором как процесс сотворчества человека и Бога (хотя на уровне слова мы это видим - «и от Его блистающего красотой Божества и славы Его все это *приносим*»; «по силе *принесли* тебе, сколько дано благодати Святого **Духа»**) [10, с. 90]. Перед нами индивидуальное авторское сознание, согласно которому агиограф сам выбирает стиль повествования и сам его определяет, ведет диалог с читателем и героями. Примечательно, что он сравнивает созданное им с лептой вдовицы из известной притчи, не без гордости надеясь, что его дар будет оценен Богом. В то же время даже формальное присутствие в приведенном отрывке подобных элементов свидетельствует о **многоуровневой** природе текста

Итак, на основе проведенного нами анализа памятников тверской агиографии XVI–XVIII вв. мы пришли к выводу о справедливости следующего постулата: творческие методы (а соответственно и зависящие от них категории «канон», «жанр», «стиль» и т. д.) могут многосложно сочетаться в пределах одного и того же произведения. В рамках рассмотрения тверской житийной литературы мы не обнаруживаем строгой линейной тенденции в истории развития жанра: в пределах одного и того же текста могут сосуществовать черты разных мировоззренческих эпох. В тверской агиографии представлена разнообразная типология героев, в образах которых, безусловно, отражены как «идеальное» подобие первообраза, так и вполне «земные», мирские черты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Демин А. С. Из истории древнерусского литературного творчества XI–XVII веков // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11: Об-во исследователей Древней Руси / отв. ред. М. Ю. Люстров. М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция, 2004. 912 с.
- 2. *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М.: Наука, 1974. 292 с.
- 3. *Гадалова Г. С.* Каталог агиографических, литургических и исторических памятников, посвященных тверским святым, в хранилищах Твери (Предварительные материалы). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2006. 44 с.
- 4. *Конявская Е. Л.* Литература Твери XIV–XV вв. (текстология, проблематика, жанровая структура): дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1984. 187 с.
- 5. Конявская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV вв. / Е. Л. Конявская. М.: Свой круг, 2007. 400 с.
- 6. *Ужанков А. Н.* Стадиальное развитие русской литературы XI первой трети XVIII в. Теория литературных формаций // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2 (28). С. 66–78.
- 7. Памятники литературы Древней Твери / вступит. ст., пер., коммент. В. 3. Исакова. Тверь: Тверское област. кн.-журн. изд-во, 2002. 279 с.; Житие Ефрема Новоторжского. Рукопись: РНБ, собр. ОЛДП, Q. 186. Л. 32–87 об.
- 8. Очерки по истории русской святости / Составил иеромонах Иоанн (Кологривов). Брюссель: Издательство «Жизнь с Богом», 1961.-413 с.
- 9. Житие Нила Столобенского: Рукописный список Государственного архива Тверской области (450-летие преставления преп.) / вступит. ст., пер. и примеч. В. 3. Исакова. Археографическое описание рукописи Г. С. Гадаловой. Тверь: Тверское област. кн.-журн. изд-во, 2004. 168 с.
- 10. Житие Анны Кашинской: Рукописный список Государственного архива Тверской области / археогр. описание Г. С. Гадаловой; вступ. ст., пер. и примеч. В. З. Исакова. Тверь: Тверское област. кн.-журн. изд-во, 2002. 136 с.